

Мышцын В. Н. Из периодической печати: Право решающего голоса и право большинства на церковном соборе. К реформе богослужения // Богословский вестник 1906. Т. 1. № 1. С. 195–204 (2-я пагин.).

ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

Право рѣшающаго голоса и право большинства на церковномъ соборѣ.

До послѣдняго времени при всемъ обиліи печатныхъ работъ по вопросамъ, касающимся церковной реформы, не появлялось ни одной попытки перенести достаточно уже выясненныя основоположенія соборно-каноническаго устройства православной церкви на практическую почву, представить детальный планъ преобразованнаго строя съ точно формулированной регламентаціей. Первый опытъ въ этомъ родѣ представляетъ собою принадлежащій проф. Заозерскому „Проектъ организаціи Церковнаго Устройства на началахъ патріарше-соборной формы“. Излишне говорить, насколько благовременно появленіе этой работы нашего почтеннаго канониста. Надо полагать, что она займетъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ среди тѣхъ матеріаловъ, которые будутъ служить точками отправленія для будущихъ соборныхъ разсужденій.

При всѣхъ достоинствахъ проекта уважаемаго профессора въ немъ есть однако пункты, которые по нѣкоторымъ основаніямъ нельзя еще считать окончательно рѣшенными. Таковъ прежде всего вопросъ о голосѣ мірянъ и клириковъ на соборѣ. „Проектъ“ признаетъ за ними лишь право совѣщательнаго голоса. Однако въ своей статьѣ: „О средствахъ усиленія власти нашего высшаго церковнаго управленія“, проф. Заозерскій, выражая желаніе, чтобы священниковъ, присутствовало на соборѣ столько же, сколько епископовъ, а мірянъ вдвое болѣе, чѣмъ епископовъ, мотивировалъ свое желаніе необходимостью усилить нравственное давленіе на епископовъ со стороны участниковъ собора, не имѣющихъ

рѣшающаго голоса. Очевидно, самъ онъ признаетъ опасность отъ предоставленія рѣшающаго голоса однимъ только епископамъ и хочетъ парализовать ее экстенсивностью совѣщательнаго голоса. Значить и для него этотъ порядокъ не есть идеальный. Далѣе, говоря объ участіи клириковъ и мірянъ въ другихъ органахъ церковнаго управленія, напр. въ синодѣ, на окружномъ соборѣ и епархіальномъ собраніи, авторъ „Проекта“ нигдѣ не говоритъ о томъ, какой голосъ имѣютъ они въ такихъ случаяхъ. II изъ содержанія проекта нельзя сдѣлать относительно этого опредѣленныхъ выводовъ. Не произошло ли это оттого, что и для самого автора этотъ вопросъ оставался открытымъ? Провести принципъ совѣщательнаго голоса мірянъ, напримѣръ, чрезъ всю лѣстницу церковныхъ организацій представляется едва ли возможнымъ. Пришлось бы въ такомъ случаѣ отказать мірянамъ въ правѣ рѣшающаго голоса и на церковно-приходскихъ собраніяхъ. Съ другой стороны, признавъ послѣднее, мы не имѣли бы безспорныхъ и несомнѣнныхъ основаній прекратить дѣйствіе этого права на опредѣленной какойнибудь ступени церковнаго управленія. Почему голосъ мірянъ начинается нѣмѣть на извѣстной стадіи, и почему на этой именно, а не на другой? На самомъ дѣлѣ, если прихожане имѣютъ право рѣшающаго голоса напримѣръ въ вопросѣ объ устройствѣ благотворительнаго заведенія въ приходѣ, то почему міряне всей русской церкви не могутъ имѣть такого права въ дѣлѣ устройства какогонибудь общецерковнаго благотворительнаго учрежденія?

Еслибы даже доказано было, что на всѣхъ древнихъ соборахъ имѣло мѣсто вышеуказанное разграниченіе рѣшающаго и совѣщательнаго голоса, то все же этотъ примѣръ не можетъ считаться безусловно обязательнымъ для нашей церкви, во 1-хъ потому, что условія существованія древней и русской церкви слишкомъ различны, во 2-хъ потому, что мы имѣемъ передъ собой примѣръ еще болѣе авторитетный, примѣръ собора апостольскаго, на которомъ такого разграниченія мы во всякомъ случаѣ не видимъ. Постановленіе собора исходило отъ апостоловъ, пресвитеровъ и братіи (Дѣян. XV, 22—23) и названо уставами апостоловъ и пресвитеровъ (—XVI, 4).

Мы лично думаемъ, что самое разграниченіе голосовъ на

рѣшающіе и совѣщательные совершенно не церковнаго происхожденія. Оно было чуждо древней церкви и привзошло въ церковь въ позднѣйшія времена, когда нравственныя отношенія между пастырями и пасомыми стали замѣняться правовыми и подъ вліяніемъ государственнаго права облекаться въ юридическія формы. Разграниченіе рѣшающаго и совѣщательнаго голоса предполагаетъ неперемѣнно наличность внѣшняго авторитета, принудительной власти. Въ предоставленіи рѣшающаго голоса однимъ лишь епископамъ скрывается тайное желаніе дать имъ возможность *заставить, принудить* мірянъ и клиръ къ извѣстному рѣшенію. Въдѣ для воздѣйствія убѣжденіемъ нѣтъ никакой надобности въ правѣ рѣшающаго голоса. Здѣсь, стало быть, вносится извращеніе въ самое понятіе церковной власти, исключающей всякое принужденіе. Во второмъ словѣ о священствѣ Іоаннь Златоустъ говоритъ: „человѣка нельзя ни силою влечь, ни страхомъ принуждать, но должно убѣжденіемъ опять приводить къ истинѣ“. „Душа, если принужденіемъ хотя разъ будетъ приведена въ стыдъ, впадаетъ въ нечувствительность, и послѣ того уже не слушаетъ и кроткихъ словъ, не преклоняется и угрозами, не трогается и благодареніями“¹⁾. Если такъ, то согласіе мірянъ на то или другое предложеніе епископовъ должно быть свободнымъ, а не вынужденнымъ, и на соборѣ. Но въ такомъ случаѣ становится совершенно излишнимъ дѣленіе голосовъ на рѣшающіе и совѣщательные. Мы хотимъ этимъ сказать не то, что голосъ епископа долженъ имѣть для вѣрующихъ одинаковый авторитетъ съ голосомъ мірянина, но то, что голосъ епископа долженъ быть силенъ не внѣшнимъ, а внутреннимъ авторитетомъ.

Какъ намъ извѣстно, на нѣкоторыхъ пастырскихъ собраніяхъ и на частныхъ совѣщаніяхъ профессоровъ было высказано мнѣніе, предоставляющее мірянамъ и клирикамъ право рѣшающаго голоса въ области организаціонной и экономической. Такое рѣшеніе вопроса, по нашему мнѣнію, ближе къ духу православной церкви.

Почтенный авторъ „Проекта“ говоритъ о „желательности единогласнаго мнѣнія отцовъ собора, въ крайности мнѣнія

1) Творенія св. І. Златоуста. 1895. Т. I. Кн. 2. Стр. 409.

большинства“. Намъ кажется, что можно бы указать на желательность единогласія съ бѣльшею настойчивостію.

Принципъ большинства, при всей своей юридической очевидности, заключаетъ въ себѣ не малое зло: онъ узаконяетъ насиліе надъ меньшинствомъ, поглощеніе воли меньшинства волей большинства. Вотъ почему даже въ юридической области этотъ принципъ проводится иногда съ большими ограниченіями. Въ средневѣковыхъ сословныхъ собраніяхъ считали за правило, что рѣшающее значеніе имѣетъ болѣе сильная часть (*pars sanior*), а не болѣе многочисленная (*pars major*), что голоса должны быть взвѣшаны, а не сосчитаны. У древнихъ германцевъ въ общественной жизни, особенно на выборахъ, рѣшенія принималась единогласно, болѣею частью *per acclamation*, громогласнымъ выраженіемъ согласія. Еще и теперь въ англійскомъ судопроизводствѣ существуетъ правило, въ силу котораго обвинительный или оправдательный вердиктъ присяжныхъ долженъ быть поставленъ единогласно, и до недавняго времени въ этой свободной странѣ держали присяжныхъ подъ замкомъ въ совѣщательной комнатѣ до тѣхъ поръ, пока они не приходили къ единогласію. Требованіе единогласія имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже при парламентскихъ выборахъ ¹⁾. Часто встрѣчающіяся въ разныхъ законодательствахъ требованія большинства $\frac{2}{3}$, $\frac{3}{4}$ голосовъ и многія другія учрежденія, какъ напримѣръ независимость суда, децентрализація управленія, представительство меньшинства и т. д., имѣетъ цѣлью ограниченіе права большинства и защиту правъ меньшинства. И вообще въ утвердившемся въ настоящее время принципѣ большинства съ полнымъ основаніемъ многіе выдающіеся люди и между прочимъ государствовѣды видятъ опасность свободному развитію индивидуальности и даже прогрессу, такъ какъ большинство по ихъ мнѣнію есть элементъ главнымъ образомъ регулирующий, созидающимъ же элементомъ является обычно меньшинство.

Но если принципъ большинства не пользуется блестящей репутаціей въ юридической сферѣ, то въ церковной жизни онъ прямо неумѣстенъ. Заимствованный церковью изъ об-

¹⁾ Еллинекъ. Право меньшинства. Перев. Новика. 1906 Стр. 4—5.

ласти правовыхъ отношеній, узаконяющей принудительный, вѣншній авторитетъ, онъ совершенно непримѣнимъ къ отношеніямъ чисто нравственнымъ, исключаяющимъ всякую принудительность, всякое насиліе надъ совѣстью. Да и съ объективной стороны большинство въ религіозныхъ вопросахъ никакимъ образомъ не можетъ быть признано вѣрною гарантіей правильнаго рѣшенія. Здѣсь мнѣніе одного можетъ быть ближе къ истинѣ, чѣмъ мнѣніе 100 вѣрующихъ. И если эту возможность можно игнорировать въ практической сферѣ, преслѣдующей главнымъ образомъ житейскія цѣли, то не слѣдуетъ забывать о ней тамъ, гдѣ ставятся цѣли религіозныя. Вотъ почему намъ кажется не только желательнымъ, но и необходимымъ, единогласное рѣшеніе всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ, обсуждаемыхъ на соборѣ. Рѣшеніе же большинствомъ, да и то съ возможнымъ огражденіемъ правъ меньшинства, каково напр. требованіе большинства $2/3$ и $3/4$ голосовъ, слѣдуетъ допустить, по нашему мнѣнію, лишь для дѣлъ второстепенныхъ и не терпящихъ отлагательства.

Вотъ тѣ основанія, по которымъ намъ хотѣлось бы считать два пункта изъ „проекта“ нашего авторитетнаго канониста пока еще открытыми.

Къ реформѣ богослуженія.

Повѣсть Софіи Благодущной: „Какъ онъ пошелъ въ народъ“, изданная въ текущемъ году, имѣетъ подзаголовокъ: „церковные вопросы и реформы“. Въ дѣйствительности же, на пространствѣ 645 стр. рисуя безконечно длинную и грустную картину борьбы симпатичнаго псаломщика съ упрямымъ и деспотичнымъ настоятелемъ заграничнаго прихода, эта повѣсть имѣетъ очень отдаленное отношеніе къ церковной реформѣ. Исключеніе составляютъ лишь главы XVIII и XIX. Главы эти по мыслямъ хотя и не новы, но интересны. Вотъ приблизительное ихъ содержаніе.

Наше богослуженіе слабо дѣйствуетъ на народъ, на публику, на вѣрующихъ вообще. Заклучая въ себѣ превосходныя пѣснопѣнія и молитвы, оно могло бы плѣнять вѣрующихъ, приводить въ восторгъ, восхищать, уносить въ другой, нравственно-идеальный, божественный міръ. Между тѣмъ вліяніе его очень незначительно. Люди приходятъ въ цер-

ковъ скорѣ по обязанности и въ силу привычки, чѣмъ по влеченію сердца, стоятъ въ ней разсѣянно или читаютъ собственныя молитвы, ждутъ, не дождутся, когда богослуженіе кончится, и уходятъ не восхищенные, не окрѣпшіе духовно, а просто утомленные. Какая причина этого?

Прежде всего тутъ играетъ роль то обстоятельство, что наши богослужебныя книги до сихъ поръ не исправлены, заключаютъ въ себѣ много словъ и выраженій не только непонятныхъ народу, но часто непонятныхъ и для самихъ священно-служителей. Вотъ, напримѣръ, ирмосъ въ великій четвертокъ: *Странствія Владычнѣ и безсмертныя трапезы на горнемъ мѣстѣ, высокими умы, вѣрніи, прїидите насладимся, возшедша Слово отъ Слова научившеся, Его же величаемъ.* Или примѣръ: *Насытишася сыновъ и оставиша останки младенца мѣ своимъ.* Или: *Хвастная страстей яже отъ тѣлесе востанія, свѣдѣтельно Ниле блаженне, во бѣдѣ твоей сѣтъ еси молить.* Подобныхъ примѣровъ можно указать многое множество. И если многіе изъ нихъ непонятны даже самимъ священнослужителямъ, то каково же вѣрующимъ, народу слушать все это? Вѣдь подумайте, что значить стоять въ церкви и не понимать больше половины того, что тамъ творится! Неудивительно, что народъ скучаетъ въ церкви и посматриваетъ по сторонамъ. Но почему же въ такомъ случаѣ никто не исправитъ нашихъ богослужебныхъ книгъ? Почему церковь наша такъ долго держитъ этотъ вопросъ подъ спудомъ? Еще епископъ Теофанъ Затворникъ говорилъ что исправленіе церковныхъ книгъ—дѣло настоятельно необходимое, давно назрѣвшее. Неужели нельзя поручить это дѣло нашимъ духовнымъ академіямъ или справщикамъ при синодальныхъ типографіяхъ? Боятся раскольниковъ и единовѣрцевъ. Но неужели изъ-за нихъ вѣчно кормить млекомъ, чтобы не сказать: мякиной, православныхъ? Можетъ быть не мало сектантовъ вообще, и штундистовъ въ частности, покинуло православіе только потому, что желало понимать богослуженіе. О раскольникахъ мы думаемъ вотъ уже два столѣтія, но не видно, чтобы они очень уже сближались съ нами.

Далѣе, слѣдуетъ признать, что службы наши очень длинны. Онѣ сочинялись и предназначались для монаховъ. Міряне же хотятъ молиться немного, но толково, чтобы каждое

слово было понятно, чтобы оно доходило до сердца, и чтобы имъ выходить изъ церкви возрожденными, а не изнуренными. Поэтому слѣдовало бы уменьшить всѣ службы, въбравъ и оставивъ все существенное, наиболѣе поэтическое и захватывающее, опустивъ менѣе важное и менѣе яркое. Боятся измѣнить церковный Уставъ (Типиконъ). Но вѣдь на него нельзя смотрѣть какъ на нѣчто догматическое и неприкосновенное. Простая историческая справка показываетъ, что онъ былъ первоначально составленъ частными монахами для мѣстныхъ монастырей въ Палестинѣ (Савва Іерусалимскій, въ V вѣкѣ) и Византіи (Феодоръ Студитъ, въ VIII вѣкѣ), что онъ не разсматривался и не утверждался никакими соборами, не только вселенскими, но даже и помѣстными; что содержаніе его мѣнялось неоднократно, выработывалось случайно, путемъ практики, и получило настоящую свою форму уже у насъ, въ Россіи, лишь къ XVII вѣку, что въ Россію онъ былъ занесенъ частными монахами въ весьма несовершенной формѣ и въ разныхъ редакціяхъ, распространился здѣсь по монастырямъ, а затѣмъ и по церквамъ, но опять таки частнымъ образомъ, а не по соборному опредѣленію. Итакъ писали монахи и для монаховъ, а у насъ примѣнили къ приходскимъ церквамъ. Писали на востокѣ въ V—XV вѣкахъ, а примѣняютъ на сѣверѣ въ XX в., когда и понятія и условія жизни чрезвычайно измѣнились. Что же получилось отъ такого страннаго заимствованія чуждыхъ намъ формъ? Получилось то, что мы благодаримъ Господа за появленіе свѣта, когда какъ разъ наступаетъ ночь; что мы служимъ утру вечеромъ и вечерню утромъ, что русскій православный человѣкъ передъ причащеніемъ кается въ такихъ восточныхъ монашескихъ грѣхахъ, о которыхъ онъ и не слыхивалъ никогда, что русскаго мірянина заставляютъ поститься въ теченіе 200 дней въ году, хотя это относится специально къ монахамъ, и т. д. и т. д. Почему церковь не отдѣлится насъ, мірянъ, отъ монаховъ и не составитъ для насъ особаго Устава, входя въ наши нужды и идя на встрѣчу нашимъ законнымъ желаніямъ? Почему она не опуститъ для насъ всѣхъ этихъ „Великихъ“ и „Малыхъ повечерій“, „Полунощницъ“ и „Часовъ“ и не составитъ изъ „Вечерни“ и „Утрени“ одного цѣльнаго небольшого богослуженія, которое всецѣло относилось бы къ вечеру дня?

Затѣмъ въ нашемъ богослуженіи черезчуръ много удѣляется мѣста ветхозавѣтнымъ пѣснопѣніямъ и ветхозавѣтному тексту. Такъ называемые „Часы“ и „Повечерія“ на половину состоятъ изъ псалмовъ: на вечернѣ также читается шестопсалміе, затѣмъ канѣизмы, затѣмъ поліелеи, затѣмъ многія пѣсни канона—все вѣдь это ветхозавѣтное. Чинъ вѣнчанія, напримѣръ, сплошь наполненъ ветхозавѣтными образами и понятіями. Вѣдь давать въ богослуженіи столько мѣста ветхозавѣтному тексту не значитъ ли вырабатывать въ слушателяхъ, въ молящихся, ветхозавѣтныя понятія и чувства въ ущербъ христіанскимъ? Правда, есть псалмы прямо превосходные. Но есть и такіе, которые безусловно слѣдовало бы исключить изъ христіанскаго богослуженія. Многихъ справедливо смущаетъ псаломъ „На рѣкахъ Вавилонскихъ“. Но въ чтеніи этого псалма еще не много зла, такъ какъ онъ историческій. А вотъ напр. псаломъ: *Внегда судитися ему, да изыдетъ осужденъ, и молитва его да будетъ въ грѣхъ. Да будутъ сынове его сиры, и жена его вдова. Да възыщеть заимодавѣцъ вся, елика суть его, и да восхитятъ чужди труды его, Да будутъ чада его въ погубленіе, въ родъ единомъ да потребится имя его!* Такихъ соблазнительныхъ, не соотвѣтствующихъ христіанскому настроенію мѣсть въ богослужебныхъ псалмахъ можно указать много. И это называется воспитывать вѣрующихъ посредствомъ богослуженія въ христіанскомъ духѣ! Одна монахиня, сравнительно образованная, писала своему племяннику семинаристу, уволенному инспекторомъ семинаріи: *да будетъ трапеза его* (т. е. инспектора) *предъ нимъ въ сътъ и въ соблазнъ. Да помрачатся очи его, еже не видѣти, и хребетъ его выну сляцы. Да будетъ дворъ его пустъ и въ жилищахъ его да не будетъ живой. Да потребится отъ книги живыхъ и съ праведными да не пишется* (изъ 68 псалма). Наблюденіе показываетъ, что подобное примѣненіе точки зрѣнія ветхозавѣтныхъ писателей—у монаховъ довольно общее явленіе. Пока имъ хорошо и они довольны, у нихъ духъ евангельскій; какъ только имъ худо и они разсержены, сейчасъ дѣло радикально измѣняется: отъ нихъ понесетъ ветхозавѣтнымъ духомъ, духомъ вражды и наказанія по принципу: „око за око и зубъ за зубъ“. И знаете, чѣмъ это объясняется? Вліяніемъ псалтири! Подумайте только, сколько въ монастырскихъ церквахъ читаютъ

псалтири! Итакъ, не пора ли ограничить употребленіе Ветхаго Завѣта въ церкви? Если въ первые вѣка христіанской церкви удѣляли много мѣста ветхозавѣтнымъ произведеніямъ за отсутствіемъ собственныхъ обрядовъ, молитвъ и пѣнопѣній, то это не значить, что церковь должна удерживать ихъ и понынѣ, имѣя въ своемъ распоряженіи превосходные образцы христіанской поэзіи.

Наконецъ, нельзя сказать, чтобы и наша литургія не оставляла желать ничего лучшаго. Допустимъ, что человекъ пришелъ на обѣдню въ первый разъ. Чѣмъ онъ удостоится, что это богослуженіе есть именно евхаристія, а не крещеніе, не молебень простой, не утренняя, напимѣръ? Приходится сознаться, что ничѣмъ инымъ, какъ только развѣ троекратнымъ появленіемъ въ царскихъ вратахъ чаши. На самомъ дѣлѣ, часы, антифоны, екитиніи и прочія несущественныя вещи исполняются на литургіи подробно и открыто, во всеуслышаніе, а самыя главныя, существенныя и возвышенныя части литургіи либо сокрыты отъ мірянъ, либо представлены въ странныхъ, не имѣющихъ между собой, повидимому, никакой связи, отрывкахъ. Были ли и есть ли для этого какія-нибудь достаточныя основанія? Никакихъ, кромѣ случайно-историческихъ. Въ древней христіанской церкви при освященіи Даровъ удаляли лишь оглашенныхъ и язычниковъ, но вѣрующіе оставались, и видѣли и слышали все, что дѣлалъ и говорилъ предстоятель. Послѣдующая же церковь—греческая, а за нею и наша, взяла молитвы священника подъ сурдинку, оставивъ для слушателей лишь тѣ отрывки, что поютъ пѣвчіе. Благодаря этому главная и существенная часть литургіи скомкана, сокрыта отъ мірянъ. Это особенно слѣдуетъ сказать о литургіи Василия Великаго, исполненной божественной поэзіи и великой силы. Зачѣмъ лишили насъ, мірянъ, этихъ дивныхъ молитвъ? Почему ихъ прячутъ подъ спудомъ? Что мѣшаетъ церкви извлечь ихъ изъ подвала и предложить всѣхъ вѣрующимъ во всеуслышаніе? Да не только вѣрующимъ, но и всѣмъ, кому угодно, хотя бы и язычникамъ, магометанамъ, евреямъ,—пусть всѣ слышать величіе христіанства! Что мѣшаетъ церкви воспользоваться этими чудными молитвами и ударить ими по сердцамъ вѣрующихъ? Зачѣмъ, далѣе, отдается у насъ преимущество литургіи св. І. Златоуста, безконечно уступающей

литургіи св. Василия В. во всемъ, въ силѣ, экспрессіи, въ красотѣ, въ поэзіи? Вѣдь она просто конспектъ, сокращеніе литургіи Василия В. Ее слѣдовало бы разрѣшить служить только для больныхъ, въ частныхъ, домовыхъ церквахъ. Вѣдь почти до VII вѣка въ восточной церкви, говоря вообще, служили литургію Василия В., или по крайней мѣрѣ литургію по редакціи близкой къ Васильевской. И только съ этого времени замѣнила ее такъ называемая литургія І. Златоуста. Выдвинувъ и открывъ главную часть литургіи, наша церковь могла бы сократить ея несущественныя части. Прежде всего слѣдовало бы сократить ектеніи. Не безъ повода, конечно, иностранцы говорятъ, что въ русской церкви, кажется, все богослуженіе состоитъ изъ *Господи помилуй*, и самихъ русскихъ нерѣдко называютъ „Господи помилуй“. Многія прошенія можно было бы соединить въ одно, а нѣкоторыя и совершенно опустить. Напр., всѣ прошенія о государѣ и царской фамиліи, а также и о воинствѣ ихъ, могутъ составить одно; слѣдующія—о св. синодѣ, о епископѣ и братіи ихъ—дадутъ второе прошеніе; все, что касается вѣрующихъ,—третье прошеніе; а прошеніе о монашествующихъ и о братіи внѣ монастырей можно было бы совершенно опустить. Затѣмъ, „часы“, такъ называемые „антифоны“ и „малый входъ“ съ двумя малыми ектеніями слѣдовало бы опустить безусловно. Точно также давно слѣдовало бы опустить ектинію объ оглашенныхъ: вѣдь это архаизмъ, ничѣмъ рѣшительно неоправдываемый. Возражаютъ, что неразумно разрушать и уничтожать такой замѣчательный историческій памятникъ, какъ литургію. Но древнія монеты, хотя онѣ и очень цѣнны, берегутъ въ музеяхъ и не пускаютъ въ ходъ по міру.

Таковы желанія автора повѣсти. Едва ли слѣдуетъ добавлять, что эти желанія въ общемъ вполне законны.

В. Мышцынъ.

19 декабря.
